

Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности

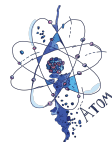
Белинская Е. П.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация,
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9

Аннотация

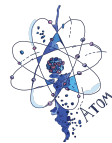
Развитие проблематики идентичности рассматривается преимущественно в социально-психологическом ракурсе. Отмечается, что хотя нарастающая междисциплинарность использования понятия идентичности может быть проанализирована с точки зрения как новых ограничений, так и новых возможностей, в любом случае актуальные исследования идентичности неразрывно связаны с учетом тех особенностей современной социальной реальности, которые в максимальной степени релевантны постоянному поиску человеком своей экзистенции, реализации непрекращающегося выбора своего «Я». Внимание к ситуационно неопределенному и изменчивому социальному контексту обуславливает повсеместное признание исследователями кризиса идентификационных структур личности и соответствующий акцент на «текучей» идентичности человека «текучей» современности, лишенной структурной определенности и завершенности.

Ключевые слова: идентичность, множественность идентификационных структур личности, кризис идентичности, потенциальность идентичностей

Проблематика идентичности представлена сегодня не только в психологии, но и практически во всех областях гуманитарного знания. С одной стороны, подобная ситуация могла бы, конечно, быть оценена как свидетельство расширяющегося объяснительного потенциала самого концепта идентичности, с другой — как определенное «размывание» его содержания. Не случайно поэтому самими психологами нарастающая междисциплинарность использования понятия идентичности анализируется с точки зрения как новых ограничений, так и новых возможностей. Интересно при этом, что и акцент на ограничениях, и внимание к потенциалу данного понятия связываются с современным социальным контекстом, в котором, собственно, и разворачивается изучение идентичности. В первом случае исследователи закономерно апеллируют к факту историко-культурной обусловленности как самой потребности в формировании идентичности, так и конкретных способов ее развития [1; 2]. Во втором случае в центре внимания оказываются те характеристики современной социальной реальности, которые в максимальной степени релевантны постоянному поиску человеком своей экзистенции, реализации непрерывающегося выбора своего «Я» [3; 4]. Сегодня развитие проблематики идентичности в условиях «усиления влияния ситуационных факторов при неопределенности контекста» [5, с. 60] неминуемо оказывается «шире», нежели только поиск ответов на вопросы о природе человеческого «Я»: оно включается в более масштабный гносеологический контекст, связанный с вниманием к ценностям и смыслам, закономерностям социального поведения человека, образам потенциального социального и личного будущего. «Проблема идентичности всегда актуализировалась в сознании и ученых, и общества в периоды слома, кризиса, неопределенности, когда вставали вопросы о том, какие нормы, ценности, эталоны будут востребованы завтра, как будут трансформироваться нормы и правила поведения» [6], и в подобной ситуации трудности междисциплинарной концептуализации неизбежны.

Отметим также, что определенная «размытость» понятия идентичности сегодня связана и с тем, что на уровне эмпирических исследований внимание уделяется, как правило, все большему количеству частных аспектов процесса идентификации — гендерному, профессиональному, этническому, религиозному и т. п. Естественно, что эти исследования слабо связаны друг с другом в силу различий своих

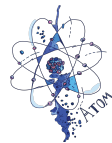

теоретических и методических оснований, что затрудняет не только соотнесение эмпирических данных о закономерностях динамики идентичности, но и возможность каких-либо теоретических обобщений.

Однако, несмотря на кризисное (в определенном смысле) состояние проблематики идентичности, существуют и некоторые «точки согласия» между исследователями самой разной дисциплинарной принадлежности и различных теоретических пристрастий. Представляется, что такими общепризнанными точками зрения сегодня являются несколько положений. Во-первых, это констатация кризиса идентификационных структур личности в условиях современности — «текучей», неопределенной, множественной, сложной, насыщенной возможностями или же ограничениями, предоставляющей каждому безграничное поле выбора или же провоцирующей на отказ от них и потерю субъектности [4; 7; 8; 9]. Во-вторых, характерной особенностью актуального этапа развития проблематики идентичности является все большее включение данного понятия в круг других психологических концептов — смыслов и ценностей [10], мотивации [11], agency [12-14] (в русскоязычном варианте наиболее адекватным последнему суммарному понятию представляется громоздкое «человек как творец своей жизни»). Третьей общей «точкой согласия» становится все больший сдвиг в исследовательском интересе от структурных составляющих идентичности к процессуальным ее характеристикам: в центре внимания все более оказывается «текущая» идентичность человека «текучей» современности, лишенная структурной определенности и завершенности.

Однако эти общие методологические позиции имели и имеют не только ряд конкретных воплощений, но и разные «пути» своего формирования по мере возникновения различных теоретических подходов к анализу идентичности. Нам представляется возможным рассмотреть означенные тренды в проблематике идентичности через постепенное изменение содержания основных проблемных дихотомий в ее понимании, так называемых «дилемм идентичности» [15].

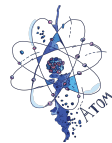
В качестве первой из них выделяется дихотомия «дифференциация — интеграция», содержащая вопрос о том, уникальна ли наша самотождественность. Иными словами, насколько значимы индивидуальные различия, как, когда и в чем человек ищет основу для своей уникальности? Насколько общее социальное пространство с сохраняющейся социоролевой

структурой и существующими социальными представлениями о желательности и приемлемости различных аспектов идентичности задает «общие черты», определенную схожесть результатов идентификации? Второй традиционной дихотомией в анализе идентичности является «константность — изменчивость». Иными словами, как соотносится переживание человеком собственной самотождественности и непрерывности своего существования во времени и пространстве с постоянной изменчивостью, множественностью и, следовательно, потенциальностью собственных идентификаций? В центре же третьей дихотомии в понимании идентичности находится оппозиция «Я — социальный контекст», т. е. вопрос о том, выступает ли человек подлинным субъектом конструирования своего образа мира (и самого себя как его части) или же эти представления являются продуктом внешней среды, определены сугубо социально? Все три выделенные «дилеммы идентичности» за последние несколько десятилетий развития данной проблематики настолько изменили свое содержание, что в итоге практически потеряли исходную оппозиционность. Рассмотрим их последовательно.

«Дифференциация — интеграция»

Содержание первой дихотомии сводимо к вопросу: «Я такой же, как все, или я уникален?» Иными словами, то или иное определение идентичности между двумя полюсами данной дилеммы есть вопрос некоторых границ схожести/различия. Представляется, что в самом начале когнитивистского освоения проблематики идентичности, а именно в концепциях А.Тэшфела и Дж. Тернера [16; 17], «граница» между дифференциацией и интеграцией понималась как «граница социального сравнения». Исходно и в теории социальной идентичности, и в теории самокатегоризации идентичность мыслилась как когнитивная схема, опосредующая социальное поведение, обусловленное, в свою очередь, либо межличностными отношениями (отсюда уникальность персональной идентичности), либо межгрупповыми (отсюда схожесть социальной идентичности). Соответственно граница между этими двумя вариантами идентификаций проходила по «точке сравнения»: неявно присутствующий Другой мог пониматься либо как одиночный, либо как групповой. При этом снижение неопределенности идентификаций мыслилось как достижимое при некотором

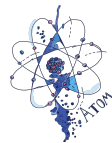

оптимуме различимости: с точки зрения исследователей, внутренний конфликт между «я такой же, как все» и «я уникальный» заставляет нас стремиться к таким вариантам социальной самокатегоризации, при которых он будет сведен к минимуму [17].

Дальнейшее развитие идей когнитивизма в социальной психологии привело к тому, что на смену «границе социального сравнения» пришла «граница принадлежности». Так, согласно процессуальной теории идентичности Г. Брейкуэлл, идентичность понимается как зависимая от существующих систем социальных представлений о человеческой самобытности, самооффективности и субъектности в целом [18]. Соответственно, конфигурация персональных и социальных идентичностей человека ставится в зависимость не только от постоянно идущих взаимопереходов социальная/персональная в соответствии с тем или иным вариантом социального сравнения, но и от процесса их непрекращающейся переоценки субъектом. Последняя осуществляется с точки зрения содержания доминирующих социальных представлений, в результате чего само различие персональной и социальной идентичностей во многом теряет смысл. Снижение внутренней неопределенности при этом достигается человеком через переживание преемственности любых своих идентичностей [19], как объединяющих его с Другими, так и подчеркивающих его уникальность. Более того, сегодня четкость и уникальность идентичности нередко понимаются исследователями как производная от «немыслимого для меня». Так, с точки зрения К. Бенсона [20], идентичность отражает не только то, что человек считает частью себя, но и то, чем/кем он себя не считает и что не будет делать ни при каких обстоятельствах, а последние детерминированы, в свою очередь, социальными чувствами — отвращением, презрением, страхом, стыдом, виной [21]. Представляется, что подобное самоопределение «от противного» не только меняет само содержание границ, отделяющих наше уникальное Я от всеобщего, но и ведет к тому, что указанная дихотомия все более и более размывается.

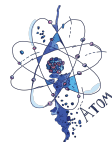
«Константность — изменчивость»

Здесь также сегодня можно наблюдать постепенный отказ от четкости исходной антитезы. С определенной долей условности можно считать, что в центре ее стоял вопрос развития

идентичности — сохраняется ли в течение жизни (и если да, то в какой степени) некое неизменное «ядро» наших представлений о себе? Соответственно процесс развития идентичности понимался в истории исследований по-разному. Первоначально он трактовался как «усиление целостности»: достаточно вспомнить представления о «Я» как интегрирующей инстанции личности в концепциях Э. Эриксона [22] и Э. Фромма [23], а также требование достижения согласованных (неконфликтных) социальных «Я» как основной задачи личностного развития в теории социальной драматургии И. Гофмана [24], да и в других, более современных моделях идентичности в рамках интеракционизма [13].

С утверждением когнитивистских подходов к идентичности процесс ее развития все более стал пониматься как «умножение Я». Так, еще в концепции Дж. Тернера объективная множественность оснований самокатегоризации в силу наличия и межличностного, и межгруппового ее контекста задает итоговую множественность идентификаций [17]. Сегодня, в ситуации «текучей современности» постмодерна, тезис о том, что отсутствие в современности универсальных целостностей делает идентичность принципиально множественной, стал уже общепринятым. Она мыслится исследователями как существующая лишь в коммуникации, встроенная в сложную и мобильную ткань отношений, обретаемая через поведенческие самопрезентации и нередко являющаяся культурной инсценировкой [7; 25]. В этой ситуации множественность идентичности становится отражением высокой контекстуальности ее проявлений: таковы, например, «полифонические идентичности» Д. Баррета [26] и «ситуационно предписанные идентичности» Де Фина [27]. Представление о развитии идентичности как о процессе постоянного «умножения Я» закономерно оказалось неотделимо и от идеи потенциальности любых идентификаций. Как справедливо отмечает Н. В. Гришина, в мире неопределенности высокая контекстуальность жизнедеятельности человека становится одновременно и пространством возможностей его личностного развития [5], в том числе изменений идентичности. Сегодня идея множественности «Я», взятая через призму вероятности, представлена в широком спектре социально-психологических моделей. Таковы «рабочая Я-концепция» как представление человека о себе в данное время и в заданном социальном контексте взаимодействия, т. е. как часть общего репертуара

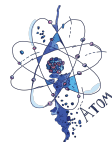

«Я», существующего на микро- и макросоциальном уровнях [28]; понимание идентичности как системы возможных «Я», т.е. суммы воображаемых представлений о том, кем мы можем стать в будущем, которые обладают мотивирующей функцией (заметим, что подобные возможные «Я» являются одновременно и изменчивыми, и устойчивыми: хотя основания самокатегоризации могут оставаться неизменными, их конкретное содержание постоянно пересматривается [29]); трактовка идентичности как согласованности прошлых и будущих возможных «Я», основой которой является оценка человеком своего микросоциального контекста существования [30; 31], и, более того, представление об идентичности как согласованности различных мотивирующих функций возможных «Я» человека: с одной стороны, оказывающих влияние на поведение, а с другой — поддерживающих позитивную самооценку [32].

«Я — социальный контекст»

Последняя «дилемма идентичности» подчеркивает ту степень свободы/несвободы, которая отводится человеку как социальному субъекту в различных моделях и теориях идентичности. Исходно эта оппозиция конкретизировалась в противопоставлении персональной и социальной ипостасей идентичности, но она также теряет свою остроту. Прежде всего по мере развития когнитивистски ориентированных исследований идентичности снялась сама противопоставленность персонального и социального полюсов идентификации. От исходной идеи Дж. Тернера об их реципрокных отношениях [17] она превратилась сначала в позицию максимальной «социальности» любых идентификаций в школе социальных представлений С. Московией [33], а затем благодаря развитию теории самоверификации У Суэнна [11] — в позицию их «взаимонезависимости», когда эмпирически было доказано, что личностная и социальная идентичности могут быть рассмотрены как эквивалентные в случае какой-либо внешней угрозы нашим представлениям о себе [34]. Иными словами, было показано, что процессы, к актуализирующие одну из идентичностей, приводят к актуализации другой: если под сомнение ставятся его личностные особенности, человек стремится проявить себя в соответствии не только с личностной, но и социальной идентичностью, и наоборот. В итоге в

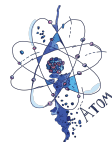

настоящий момент все более представленной оказывается идея о том, что процесс конструирования человеком своих идентичностей настолько опосредован другими его личностными диспозициями, причем самого общего уровня (своего рода ресурсами или потенциалом), что исходный смысл данной оппозиции просто теряется. Так, отмечается, что идентичность во многом есть результат нашего умения и готовности ориентироваться в увеличивающемся потоке информации. Соответственно в качестве максимально «созвучного» современности выделяется информационный стиль идентичности как стремление получить максимум информации в случае ситуации выбора, прежде чем принять решение о важности любой цели для себя, значимости той или иной позиции и ценности, того или иного направления своего развития [35]. К ресурсам в построении идентичности апеллирует и модель «капитала идентичности» Дж.Котэ, который рассматривает идентичность как систему внешних и внутренних ресурсов, позволяющих нам эффективно самоопределяться в условиях растущей социальной неопределенности [13]. Иными словами, можно видеть, что в рамках данной дихотомии внимание исследователей однозначно сосредоточено на одном полюсе — субъекте, делающем тот или иной выбор и тем самым самоопределяющемся в постоянно изменяющихся условиях своего социального бытия.

И потому неслучайным представляется сегодняшний приоритет нарративного подхода к исследованию идентичности, согласно которому формирование и развитие идентичности существуют лишь в виде «жизненной истории», в которой происходит постоянное конструирование субъектом чувства собственной целостности и континуальности на основе осмысления разнообразного жизненного опыта [36; 37]. Дискурсивная природа так понимаемой идентичности позволяет ей меняться в ходе взаимодействия, быть максимально ориентированной на контекст той или иной коммуникативной ситуации, постоянно пересматривая основания самокатегоризации, и в подобной трактовке противопоставлению субъекта и социального контекста уже нет места: они в равной мере включаются в единое пространство диалога.

Таким образом, сегодня на смену структурной и содержательной определенности в понимании идентичности все более приходят взгляды, отражающие процессуальность любых ее проявлений и принципиальную «незавершенность». И

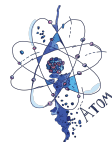

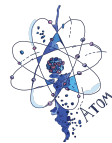
очевидно, что такой сдвиг в концептуализации обусловлен динамикой современного социального пространства: «поиски идентичности» в исследованиях последних десятилетий во многом становились попыткой понимания того, «как человек в реальной, жизненной ситуации противостоит неопределенности» [38, с. 17].

Литература

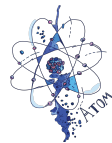
1. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. № 6 (20). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.12.2017).
2. Тхостов А. ПГ, Рассказова Е. И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода// Психологические исследования. 2012. № 5 (26). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.12.2017).
3. Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. № 8 (40). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.12.2017).
4. Соколова Е. Т. Утрата Я: клиника или новая культурная норма? // Эпистемология и философия науки. 2014. № 3. С. 191-209.
5. Гришина Н. В. Ситуационный подход: исследовательские задачи и практические возможности // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология и педагогика. 2016. Вып. 1. С. 58-68.
6. Марцинковская Т.Д. Методология современной психологии: смена парадигм? // Психологические исследования. 2014. № 7(36). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.12.2017).
7. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
8. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.12.2017).
9. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические

- исследования. 2015. Т. 8, № 40. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.12.2017).
10. Леонтьев Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. 2009. № 10. С. 5-10.
  11. Swann W. B. The Self and Identity Negotiation 11 Interaction Studies. Vol. 6. Issue 1. P. 69-83.
  12. Cote J. E., Levine C. G. Identity formation, agency, and culture: A social psychological synthesis. Mah- wah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2002. 245 p.
  13. Cote J. E., Schwartz SJ. Comparing psychological and sociological approaches to identity: Identity status, identity capital, and the individualization process 11 Journal of Adolescence. № 25. P. 571- 586.
  14. Schwartz S. J. The evolution of Eriksonian and neo-Eriksonian identity theory and research: A review and integration 11 Identity: An International Journal of Theory and Research. Vol. 1, N 1. P. 7-58.
  15. Bamberg M., De Fina A., Schiffrin D. Discourse and identity construction // Handbook of identity theory and research / eds. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. New York: Springer, 2011. P. 177-200.
  16. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior 11 Psychology of intergroup relations. Chicago: Nelson-Hall Publishers, 1986. Vol. 1. P. 7-24.
  17. Turner J. Self and collective: cognition and social context 11 Personality and Social Psychology Bulletin. Vol. 20 (5). P. 454-463.
  18. Breakwell G.M. Resisting representations and identity processes // Papers on Social Representations. Vol. 19. P. 6.1-6.11.
  19. Vignoles V.L., Manzi C., Regalia C., Jemmolo S., Scabini E. Identity motives underlying desired and feared possible future selves 11 Journal of Personality. N 5 (76). P. 1165-1200.
  20. Benson C. The unthinkable boundaries of self: The role of negative emotional boundaries for the formation, maintenance, and transformation of identities // The self and others / eds. Harre, F. Moghad- dam. Westport: Praeger, 2003. P. 61-84.

21. Prinz J. The Emotional Construction of Morals. Oxford: Oxford University Press, 2007. 334 p.
22. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
23. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 272 с.
24. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
25. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. End of Millennium. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1998. 488 p.
26. Barrett R. Indexing polyphonous identity in the speech of African American drag queens 11 Re-invent- ing identities: The gendered self in discourse / eds. Bucholtz, A. C. Liang, L. A. Sutton. New York: Oxford University Press, 1999. P. 313-331.
27. De Fina A. Group identity, narrative and self-representations 11 Discourse and identity / eds. De Pina, D. Schiffrin, M. Bamberg. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 351-375.
28. Markus H.R., Nurius P. Possible Selves 11 American Psychologist. Vol. 41. P. 954-969.
29. Markus H. R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // Psychological review. Vol. 98, N 2. P. 224-253.
30. Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities 11 European Journal of Social Psychology. Vol. 28 (2). P. 227-248.
31. Jaspal R., Cinnirella M. Coping with potentially incompatible identities: Accounts of religious, ethnic, and sexual identities from British Pakistani men who identify as Muslim and gay // British Journal of Social Psychology. Vol. 49, N 4. P. 849-870.
32. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise // Self and Identity. URL: <http://sites.northwestern.edu/scmlab/files/2014/08/> (дата обращения: 02.12.2017).
33. Doise W. L'individualisme comme représentation collective 11 L'identité sociale / eds. -C. Deschamps,
34. J. -EMorales, D.Paez & S. Worchel. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 1999. 195-212.

35. Hoyle R. H, Sherrill M. R. Future orientation in the self-system: possible selves, self-regulation, and behavior 11 Journal of Personality. № 6 (74). P. 1673-1696.
36. Berzonsky M. Identity formation: The role of identity processing style and cognitive processes 11 Personality and Individual Differences. Vol. 44. P. 645-655.
37. Зайцева Ю. Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциальнонарративный подход // Вестник СПбГУ Сер. 16. Психология и педагогика. 2016. Вып. 1. С. 118- 136.
38. McAdams D. P. Narrative identity // Handbook of Identity Theory and Research / eds. J. Schwartz,
39. K. Luyckx, VL. Vignoles. New York: Springer, 2011. 99-115.
40. Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 3-20.